
Девять месяцев спустя

Академия Ё Ран

За окном моросил лёгкий дождик. Небо затянулось тучами, через которые изредка проглядывалось солнце и тут же пропадало. Сегодня ведущие по телевизору клятвенно обещали, что никакого дождя не будет. Я как назло не взял с собой зонтик. Обидно.

Распивая на диване ароматный чёрный чай в кабинете директора, я между делом, пока ждал Виктора, читал оставленные мне записки учениц. В одной руке чашка, а в другой маленькие квадратные листочки, вырезанные из тетрадных листов. Только одна записка была написана на чистом белом листке. Сегодня мне оставили пять штук. Маловато. Обычно за день я обнаруживаю штук по десять-двенадцать. Возможно, дело в понедельник. День всё же непростой, как говорится, да и у меня сегодня только один урок по расписанию.

«Учитель, вы мне очень нравитесь. Не хотите как-нибудь погулять вместе?»

— Спасибо, не хочу.

«Я не могу перестать думать о вас, и я мечтаю о вас каждую ночь. Я так сильно вас люблю.»

— Думай об учёбе.

«Учитель, вы можете передать свой номер телефона? Я хочу с вами поделиться кое-чём...»

— Нет, не могу. Если есть чем делиться, то подойти и скажи прямо.

«Я готова заплатить за встречу! Это глупо, но все мысли только о вас! Прошу, примите мою любовь!»

— Купи лучше рассады на окно, пользы будет больше.

«Мои обнажённые фотографии находятся на третьем этаже под подоконником напротив кабинета литературы. Буду признательна, если вы их перерисуете своими руками для меня :) »

— Ох, копиркой не занимаюсь... Нужна картина с натуры – спроси лично.

Ответив на все письма, хоть и не напрямую, я убрал их во внутренних карман пиджака.

— Хм, довольно безобидные письма на этот раз, — вновь проговорил я в пустоту, немного удивившись содержанию писем.

Я уж опять ожидал увидеть целые сочинения от озабоченных школьников, смело рассуждающих на кусочках бумаги о жёстком сексе, подчинениях и изнасилованиях...

Ох, казалось бы, ещё вчерашние дети, которые возились в песочнице, строили песочные замки и играли с куклами, который немного подросли. Как бы ни так. Сейчас это физиологически почти сформировавшиеся взрослые люди с бурей гормонов внутри, бьющими через край. Как правило, не находя выхода этим гормонам через секс или банальный физический труд, у них частично атрофируется мозг. Это я понял не сразу.

Насмотрятся в интернете или ещё где-то «романтики» и выплёскивают её уже в реальный мир.

Я отдавал себе отчёт, что в разы красивее обычных людей, и уж тем более тех, кто за собой вообще никак не следит. Писанный красавец. Это не какой-нибудь нарциссизм, это суровая реальность. Благородный как-никак. Это видели и понимали всё окружающие, с которыми я пересекался. Парни на меня смотрели, как правило, злобно или нейтрально, а девушки наоборот.

Но я даже не мог предположить, что после парочки проведённых занятий по рисованию с двумя классами старшеклассников мне будут оставлять записки, где в деталях описано, как я жёсткой металлической кистью рисую на теле одной из поклонниц в «разных» местах.

Тогда маска отрешённости на лице дала трещину впервые за долгое время.

Я охренел.

Одни записки были очень милыми, даже безобидными. Такой своеобразный лёгкий флёр романтики посреди океана похоти и разврата. Мне их нравилось больше всего читать. Столько приятных и самое главное искренних слов в мой адрес по-своему очаровывали. Пару раз я даже завуалированно отвечал, прекрасно зная, кто мне пишет.

Другие уже имели сексуальный посыл, как записка про обнажённые фотографии или плата за встречу, подразумевающую секс или страстное свидание. Я их просто и весьма безжалостно игнорировал, складывая в специальный ящик у себя дома. Пришлось завести такой.

А вот третьи представляли собой похоть во плоти, где милые девочки с кисточками и карандашами в руках на занятиях скрытно оставляли записки о своих фантазиях с моим непосредственным участием. Появились откровенные письма далеко не сразу, а на вторую или третью неделю занятий, видимо, когда ученицы чутка осмелели. Прощупали новенького учителя, довольно быстро поняли, что я никак не реагирую на это дело, хоть и читаю записки, и повысили ставки.

Демоницы в ангельской шкуре. Порой вчитываясь в строчки подобных записок, я даже восхищался ими. Такое придумать и расписать в подробностях, давая по ходу повествования весьма дельные комментарии, далеко не каждый сценарист порнофильмов сможет.

И по пришествию трёх месяцев работы учителем я так и не определился, как к этому относиться.

Я прекрасно знал, кто именно писал каждое письмо, адресованное мне. И крайне милые про восхищение моим талантом художника, и робкие признания в любви, и простые с просьбой дать номер телефона, и чуть более наглые с просьбой сходить «куда-нибудь», и даже те, где мне предлагается прямым текстом кого там отыметь или же наоборот, чтобы отымили меня. И личности авторов, мягко говоря, порой сильно удивляют.

Записки эти я пока просто коллекционирую, найдя в этом новое увлекательное хобби. Однако многократно возросшее пристальное внимание к своей персоне самую малость раздражало. Имели место приятные моменты, купаясь в женском внимании и теща своё эго, но это довольно быстро переросло в обыкновенную рутину.

За прошедшие три месяца:

- 1) Организован мой фан-клуб численностью около сотни девушек.
- 2) Ежедневно в классе оставляется «корреспонденция».

3) За мной постоянно следят и ведут отчётность в закрытой группе в соцсети.

4) «Защищают» от парней, которые надумают напасть на меня.

5) Разводят всякие странные слухи.

И вот последний пункт самый непостоянный в этом списке.

За три месяца я уже успел побывать женатым на барменше из моего любимого бара, ведь захожу туда каждый день и торчу по несколько часов.

Импотентом, так как у меня в штанах «ничего не шевелилось» от их «случайных» касаний.

Гомосексуалистом, ведь часто торчу у Виктора в кабинете и банально живу у него дома.

Асексуалом, который в принципе не испытывает полового влечения. Это был самый популярный вариант до недавнего времени, пока кто-то не придумал более интересный.

Теперь причина, по которой я не домогаюсь юных девиц прямо в школе заключается якобы в том, что у меня «несколько лет назад трагически погибла супруга-художница, которая приходилась Виктору близкой родственницей».

И над этой историей ведь кто-то старался. Придумывал.

Это типа сразу объясняло, почему я живу с Франкенштейном в одном доме, хожу постоянно с непроницаемым лицом, не отвечаю на записки школьниц, хоть и читаю их, а также почему я так быстро выучился на художника. Да, эту информацию юные девушки сумели откопать за полмесяца примерно. А ещё смогли нарыть в новостях что-то про смерть известной женщины-художницы из Италии около года назад. В общем, пазл сложился.

Бредятина, но зато какая романтическая...

Тут, скрипнув дверным замком, в кабинет вошёл Виктор. Посмотрев на меня, он облегчённо вздохнул.

— Прощу простить за ожидание. Задержали.

Закрывая за собой дверь, директор зашагал за стол, поправляя воротник рубашки.

— Не думал, что обычные поставщики продуктов смогут тебя задержать, — улыбнулся я, отпивая остывшего чая.

— Хоть и редко, но бывают и такие моменты, — скопировав улыбку, ответил Виктор, садясь на стул. — Но позвал я вас не для обсуждения продовольствия для кухни. Тема совсем иная. Помните я как-то рассказывал вам про такую организацию, как Союз?

Я немного призадумался, вспоминая один разговор почти годичной давности. Тогда в подземном спортзале во время нашего спарринга Виктор решил рассказать мне про ещё одну особенность этого странного мира, не отвлекаясь от драки.

— Хм, это некая сверхмогущественная наднациональная организация, которая фактически правит всем миром. Союз располагает собственной армией и флотом. Могущество этой организации обеспечивают не только связи с элитами всех влиятельных государств, но и успешные опыты по модификации человека, — пересказал я почти слово в слово то, что когда-

то мне объяснял сам Виктор в лаборатории.

Смысла не верить словам «директора академии» у меня не было никакого, учитывая все сложившиеся обстоятельства, но некий скепсис всё равно сохранялся. Из сверхлюдей я знаю только лишь себя самого, даже скорее бывшего владельца этого тела, а также Виктора, который утверждает, что он обычный человек со «своими особенностями». Ни своих братьев Ноблесс, ни других мутантов я за всё это время не встречал, даже в интернете. Хотя казалось бы...

— Верно, так и я говорил, — согласно кивнул он. — С недавних пор деятельность этой организации в нашем городе заметно усилилась. Причины подобного мне неизвестны, и я хотел бы попросить вас, господин Дензел, временно ограничить свои прогулки по Сеулу.

— Думаешь, я их заинтересую? — чуть нахмурившись, спросил я Франкенштейна, заинтересовавшись этим моментом.

— Если действительно привлечёте их внимание к себе, то вполне. Сейчас вы не сильно выделяетесь, как бы странно это ни звучало, — Виктор слегка ухмыльнулся. — Но нелепые случайности порой играют с нами злую шутку. Лучше от них перестраховаться заранее.

— И до каких пределов мне следует ограничить себя?

— Желательно от дома до школы.

— Даже в тот бар нельзя будет ходить?

Без этого яркого момента мои вечера станут слишком тусклыми.

— Нежелательно, — Виктор покачал головой.

— А если я откажусь и продолжу ходить где мне вздумается? — поинтересовался я, не меняясь в лице и делая ещё один глоток чая.

Директор явно не ожидал услышать от меня подобный вопрос, судя по растерянному лицу.

— К сожалению, я не в силах предсказать возможные последствия обнаружения вас Союзом, — вполне спокойно ответил мне он. — Запретить вам и дальше передвигаться по городу, согласно нашему с вами первоначальному договору, я так же не могу. Это просто моя рекомендация. Произойди какая непредвиденная ситуация, я само собой приду на помощь, однако вы и сами должны понимать, что это произойдёт не моментально. Я не волшебник.

— Но я и не обделён силой, чтобы меня могли так просто схватить или уж тем более одолеть.

— Да, это так, — согласился Виктор, ведь мы с ним периодически тренируемся в спортзале. — Но это определённо не значит, что можно легкомысленно списывать со счётов модифицированных людей Союза. Без полноценной памяти и без возможности призвать оружие души вы можете проиграть опытной сплочённой группе мутантов. Вас, господин Дензел, могут и не одолевать, но схватить или обезвредить вполне могут. Прошу вас иметь это в виду.

Слышать подобное было малость неприятно, но Виктор был прав. Я ещё не сумел раскрыть все возможности своего тела, а банальной физической силы у возможного врага может оказаться в разы больше. Пример тому сам Франкенштейн.

— Я ценю твои советы и предостережения, а потому перестану на время бродить по городу, но отказаться от своего бара я не смогу, уж извини, — я покачал головой. — Прошу и тебя это иметь ввиду.

— Хорошо. Это более чем приемлемо, — облегчённо выдал директор, внешне расслабившись. — Кстати, а что у нас будет сегодня на ужин?

— Мясной рулет с розоватым мясным соком. На днях обнаружил ещё один интересный рецепт.

— М, звучит интригующе...

Выйдя из кабинета директора я сразу же отправился в свой класс. Основные уроки уже закончились около часа назад и по коридорам ходили редкие ученики, оставшиеся на дополнительные занятия или же на кружки. Здесь их было немало, да и мне предлагали свой организовать. Но я пока сторонюсь этой идеи.

Большая часть классов закрыта и одиноко пустовала, как и моя голова после разговора с Виктором. За эти месяцы я уже настолько растворился в безмятежной жизни, отчего заявление про Союз меня малость взбудоражило внутри.

Честно говоря, не хотелось тревожить свою новую спокойную жизнь в этом мире. Хотелось просто, чтобы и дальше всё оставалось так, как есть сейчас. Франкенштейн продолжал бы и дальше искать моего брата, летая по миру на своём личном самолёте, а я занимался бы своими повседневными делами и не отвечивал.

Но что-то мне подсказывает внутри, что спокойная рутинная жизнь скоро может порушиться. Искренне не хотелось этого.

Пропетляв по коридорам и поднявшись на четвёртый этаж, я зашёл к себе в класс, где меня уже поджидала моя «правая рука» и «двойной агент» Юна Су. Молодая симпатичная девушка в белой школьной форме с юбкой закрывала жалюзи у дальнего окна и не заметила мой приход сразу.

Единственная школьница, которая после занятий подошла ко мне лично и прямо в лицо со всей искренностью попросила научить её рисовать так же, как и я, попутно сыпля милыми хвалебными эпитетами. Это было смело, учитывая, что все остальные девушки дальше записок не продвинулись, а смелость я уважаю.

Мне было не жалко подарить один из наборов для рисования, который я получил, как лучший выпускник года в художественной школе, как и дать свой номер телефона в обмен на «службу». Девушка сдаёт своих подруг с потрохами на тему моей личности, а я помогаю Юне уже по мере своих сил. Выделяю дополнительное время для рисования, даю координаты мест, где можно купить самые лучшие материалы по достойной цене, да и в школьной жизни выручаю, пару раз уже исправляя кое-что в журналах.

— Учитель! Давно вы уже здесь? Я и не заметила вас, — заметила меня Юна у шкафа с одеждой, закончив с одним окном и подходя ко мне, лавируя между партами.

— Секунд двадцать, — спокойно ответил я с привычным отрешённым выражением лица. — А ты почему ещё здесь? У нас сегодня нет занятий или очередной план вашей фан-группы?

Услышав мои слова, Юна немного замялась и достала откуда-то из-за парт длинный чёрный зонт с изогнутой ручкой и подошла ко мне. Девушка была ниже меня на голову.

— Девчонки подумали, что вы могли не взять с собой зонта, ведь по прогнозу его быть не должно. Поэтому держите, — и протянула его мне, неловко отведя взгляд в сторону.

За окном ещё лил дождь без намёка на скорое прекращение. Я взял зонтик, не желая промокнуть.

— Что ж, порой ваши планы бывают весьма кстати. Спасибо, — я позволил себе лёгкую улыбку, чем вогнал бедную Юну в краску.

Как бы девушка не строила из себя прилежную ученицу, но и она иногда пишет мне письма и каждый раз ждёт ответа на них. Благо они относятся больше к лёгкой романтике, иначе я поостерегся бы оставаться один на один в классе с ней.

— Ничего такого... Кстати, я, пока убиралась тут, нашла ещё несколько записок. Держите, — Юна достала из кармана юбки пять-шесть, аккуратно сложенных, листков и протянула мне.

— Опять похабщина? — скромно поинтересовался я у школьницы, убирая листки во внутренний карман к остальным.

Тут школьница замялась.

Понятно. Читала письма и наверняка сейчас прокручивает у себя в голове описанные сюжеты.

— Я... Не знаю. Наверное, должны быть, как и обычно, — ответила она, стараясь не показывать своего смущения, но получалось так себе.

— Ясно, почитаю как-нибудь на досуге, — будничным голосом ответил я, открывая шкаф и беря оттуда своё чёрное шикарное пальто.

Холод мне не помеха, но расхаживать в такую погоду в тонкой рубашке слишком подозрительно.

— Учитель, скажите, а вы дадите какой-нибудь ответ на те записки, которые уже нашли сегодня?

— Ответ... — задумчиво протянул я, осматривая себя в зеркале и застёгивая пуговицы. — Только для одной, которая упомянула третий этаж и фотографии. Если она их не уберёт до конца этой недели, то я сам отнесу их директору на стол. Это, наверное, всё, что я хотел бы сказать.

— Понятно. Я не совсем понимаю, о чём вы говорите, но я обязательно передам!

— Ещё раз благодарю за зонт. И, прошу тебя, Юна, не задерживайся здесь допоздна.

— Хорошо. Вы идите, а ключи я сама отнесу, — заверила меня школьница.

На этом я покинул класс рисования, а всего через пару минут уже вышел с территории школы.